

имела другой пищи, кроме лошадей, но, надеясь на милосердие Бога, они не хотели еще их убивать. Таковы были бедствия, которые тяготели над осажденными; другие же несчастья было бы трудно и исчислить. Но самое высшее бедствие состояло в том, что многие из наших убежали к туркам и говорили им о той крайности, которая господствует в городе, и турки, поспряемые такими известиями и другими обстоятельствами, тем более теснили нас. Однажды в полдень около 30 турок влезли на одну из наших башен и причинили нашим великий ужас. Однако мы сразились с ними, и с помощью Божией одних умертвили, а других сбросили с укрепления. Из-за этого случая все дали клятву повиноваться Боэмунду в продолжение 15 дней после битвы, возложив на него охрану города и приготовления к битве, ибо в то время граф и епископ были весьма большы, а граф Стефан, которого другие князья избрали диктатором, еще до взятия города, узнав об исходе войны, убежал.

Следует опять отступление о новой таинственной беседе того же провансальца с апостолом Андреем, и затем автор рассказывает о битве крестоносцев с Кербогой, накануне Петрава дня, следовательно, две недели спустя после нахождения копы, во время которой наш автор сам нес это копы, и христиане одержали полную победу, принудив Кербогу снять осаду; в то же время и гарнизон турецкий, удержавшийся в верхнем укреплении, капитулировал.

Вследствие этой победы (над Кербогой, 28 июня 1098 г.) произошло то, что наши князья, Боэмунд, граф, герцог и граф Фландрский, овладели сообща крепостью города; но Боэмунд захватил самые высокие башни, обнаружив в себе те страсти, которые должны были породить несправедливость. Вследствие того он изгнал из замка силой людей герцога, графа Фландрского и графа св. Эгидия, утверждая, что он клялся туркам, сдавшим ему город, не разделять ни с кем своей власти. После того, так как первая попытка его осталась безнаказанной, он потребовал себе сдачу всех укреплений города и ворот, которые с самого начала нашей осады охранялись графом, епископом и герцогом. Исключая графа, все ему

уступили. Граф же хотя был болен, но не хотел отказаться от обладания воротами у моста, несмотря ни на просьбы, ни на обещания, ни на угрозы Боэмунда.

В то время раздоры происходили не только между князьями, но и между народом, так что мало было людей, которые не имели бы ссоры со своими товарищами или прислугой за добычу или открытое воровство. Между тем в городе не было никакого суда, который мог бы разобрать тяжбы, и несправедливость дошла до последней степени. Граф и епископ были большы все это время и не могли ничего защитить от таких оскорблений.

Но к чему должно останавливаться на всех этих подробностях? Изпеженные в праздности и богатстве, наши, в противность Божеским предписаниям, отлагали продолжать предпринятый ими путь до ноября (1098 г.). В первое же время после бегства турок сарацинские города были до того поражены ужасом, что если бы наши франки сели на лошадей, то не нашлось бы ни одного города до самого Иерусалима, который, по нашему мнению, осмелился бы бросить в них даже камнем.

Описание этого промежутка времени, от конца июня до конца ноября, наполнено у автора отрывочными заметками об отдельных событиях и введением в хроникю множества легенд о различных откровениях и видениях; сначала автор говорит о смерти Адемара и о том, как снова явился апостол Андрей Петру Бартоломею (так в первый раз называет автор того провансальского крестьянина, который нашел копы) и рассказал ему о мучениях Адемара в аду за то, что он усомнился в копы; далее автор упоминает об удалении герцога Готфрида в Эдессу к брату и об отдельных набегах, которые производили крестоносцы в окрестностях Антиохии, перемежая свой рассказ замечаниями о новых видениях; из таких экспедиций особенно было замечательно завоевание Альбара, где крестоносцы сами избрали епископа. В начале ноября князья собрались для совещаний о походе и устройстве Антиохии; несогласия князей по поводу последнего вопроса едва не обратились в междоусобицу войну, но народ угрожал восстанием, и князья в конце ноября двинулись из Антиохии к г. Марра, завоевание которого произвело новую ссору между Боэмундом и графом Тулузским и новое восстание народа, которое закончилось тем, что народ, мстя князьям, срыл укрепление Марры и заставил сво-